

АНДРЕА ЛОРЕНС

Будь моей королевой

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Андреа Лоренс

Будь моей королевой

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Лоренс А.

Будь моей королевой / А. Лоренс — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07102-6

Неожиданно Габриэлю Монторо было передано право стать королем небольшого островного государства Алма. Теперь веселый гуляка Габриэль вынужден жить, сообразуясь со строгими правилами этикета. На невыразимо скучной прощальной вечеринке перед вылетом в Алму Габриэль увидел красавицу Серафию, свою тайную юношескую любовь, образованную и прекрасно воспитанную женщину. Он понял, что его по-прежнему влечет к ней. Не желая расставаться с Серафией, Габриэль просит ее помочь ему стать достойным королем, втайне мечтая видеть ее своей королевой...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07102-6

© Лоренс А., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андреа Лоренс

Будь моей королевой

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ANDREA LAURENCE

Seduced by the Spare Heir

Copyright © 2015 by Harlequin Books S. A.

© «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Глава 1

Вечеринка была никудышной.

Габриэль Монторо усмехнулся – разве это вечеринка? Уж кто-кто, а он-то отлично знал, что такое веселье. К большому огорчению своей семьи, он заработал репутацию Габриэля-тусовщика. Музыка, алкоголь, приглушенный свет, поверхностные разговоры... Он слыл королем вечеринок. Но теперь, когда Габриэль готовился стать новоиспеченным монархом Алмы, все изменилось.

Габриэль подхватил бокал шампанского и оглядел банкетный зал в фамильном особняке «Корал Гейблс». Их тропическое пристанище казалось сегодня невероятно чопорным. Ни одного гостя в шлепанцах, не говоря уже о диких попугаях, которые жили на участке и время от времени залетали в распахнутые двери. У его семьи всегда были деньги, но напоказ это никогда не выставлялось.

Все изменилось в семье Монторо с тех пор, как крошечное европейское островное государство Алма решило восстановить монархию. Неожиданно он стал принцем Габриэлем, третьим в очереди на престол. Не успел он свыкнуться с этой мыслью, как его отец и старший брат выбыли из гонки. Его родители развелись, но брак не был аннулирован, что автоматически лишало его отца права на трон. Потом его такой всегда ответственный братец отрекся от престола и сбежал с барменшей. И вот он почти уже король Габриэль, и все ожидают, что изменение его статуса повлечет за собой изменение личности.

Этот удушливый вечер – только начало, и Габриэль понимал это. Потом ему придется обменять свой пентхаус в Саут-Бич на чужой дворец, а интрижки на одну ночь – на королеву с родословной. Все, от одежды до речи, будет подвергаться общественной критике его народа. Людей, которых он никогда не видел, живущих на острове, где он побывал только один раз. До его коронации оставался месяц или два. Через неделю он уезжает в Алму.

Именно поэтому они устроили сегодняшнюю вечеринку, если ее можно было так назвать. Классическая музыка, элегантные напитки и слишком одетые женщины. От тоски у Габриэля засосало под ложечкой, когда он понял, что отныне все будет только так. Скучные вечера, а не вечеринки, со скучными незнакомыми людьми, которые льстят и заискивают.

В зале собралось около двухсот человек, в основном незнакомцы. Габриэлю это показалось ужасно ироничным. С тех пор как старший брат Рэйф отрекся от престола, средний оказался в центре внимания, желающие подружиться с ним появлялись буквально из ниоткуда. Габриэль стал вдруг не просто вице-президентом южноамериканской компании, заброшенным на Южное полушарие, где он не мог опозорить семью, он превратился в городскую достопримечательность.

Он! Габриэль – средний ребенок, на которого никто не обращал внимания, отвергнутый друзьями семьи как «плохой мальчик», запасной наследник и больше ничего. Теперь, когда он собирался занять королевский трон, на каждом шагу незнакомцы набивались к нему в лучшие друзья.

Габриэлю не хотелось никого разочаровывать, но у него не было друзей. Настоящих. Дружба предполагает определенное доверие к другим людям, которого он просто не испытывал. Он слишком рано усвоил, что ни на кого нельзя положиться. Даже семья может подвести, когда ты нуждаешься в ней больше всего.

Легки на помине.

На другом конце зала двоюродный брат Хуан Карлос увидел Габриэля и направился в его сторону. Как обычно хмуря брови, всегда серьезный Хуан Карлос, казалось, просто не умел веселиться. Он вел только деловые разговоры, много работал, был ответственным человеком.

Это он должен стать королем Алмы – не Габриэль. Почему люди спустя сотни лет не поняли, что родословная не показатель лидерского потенциала?

– Ты ни с кем не разговариваешь, – неодобрительно заметил Хуан Карлос, склонившись над двоюродным братом. Под метр девяносто, он имел неприятную привычку как бы нависать над собеседником. Габриэль никогда не был уверен, намеренно ли его двоюродный брат пытается запугать других своим ростом или не понимает, как это раздражает людей.

Но Габриэль не позволит ни позе, ни хмурому взгляду двоюродного брата повлиять на него. Как правило, он не слишком беспокоился о том, что думает его кузен или кто-то еще. Серьезности Хуана Карлоса и так хватало на них обоих.

– Это со мной никто не говорит, – возразил будущий король.

– Потому что ты стоишь в углу и дуешься.

Габриэль усмехнулся глупому выводу:

– Я не дуюсь.

Его двоюродный брат вздохнул и скрестил руки на груди:

– А как это называется?

– Осматриваю свои владения. Звучит по-королевски, нет?

Хуан Карлос застонал и закатил глаза:

– Прекрати. Можешь даже не притворяться, что тебя это интересует, я-то понимаю, что тебе все равно. Мы с тобой оба знаем, что ты гораздо охотнее бегал бы сегодня за юбками в Саут-Бич. А притворство оскорбительно как для твоей семьи, так и для страны.

Габриэль соврал бы, скажи он, что неоновые огни не манят его. Ничто не сравнится с бурлением алкоголя в жилах и басовыми нотами музыки, когда он прижимается к женщине на танцполе. Только это поможет ему забыть хаос, в котором он пребывал, но после драмы с Рэйфом Габриэль был на коротком поводке. Семья не переживет еще одного скандала.

Это не значит, что он собирался извиняться за себя или оправдываться. Его не воспитывали как будущего короля. Диктатура в Алме сохранялась почти семьдесят лет. Кто мог подумать, что после восстановления демократии они захотят вернуть свою королевскую семью? Никто не ожидал такого вызова, и Габриэль, конечно, не представлял, что его брат, законный наследник престола, сбежит с барменшей из Ки-Веста и превратит жизнь Габриэля в ад.

– Мне жаль, если это оскорбляет твои чувства, Карли, но я не просился в короли.

– Я знаю, что ты не просился в короли. Для каждого человека в этом зале совершенно очевидно, что ты не жаждешь такой чести. Но знаешь что? Корона сама упала тебе в руки, и ты должен повзрослеть. – Хуан Карлос сделал глоток вина и посмотрел на Габриэля поверх бокала. – И я вроде говорил тебе, чтобы ты не обращался ко мне так? – добавил он.

Габриэль не удержался и улыбнулся. Одним из его любимых занятий с детства было сердить своего двоюродного брата. Правда, улыбка была мимолетной.

Он уже не в первый раз слышал, что ему пора повзрослеть. Его семья никак не могла понять, что Габриэль давно вырос. Им всем нравилось притворяться, что этого не произошло, но он оставил детство и беззаботность своим похитителям – в темной комнате, связанный толстой веревкой, врезающейся в запястья. Если его семья хотела, чтобы он взял на себя ответственность, они должны были сделать больше, чтобы спасти его. Он уцелел благодаря сообразительности, поэтому решил жить так, как хочется ему, и не волноваться из-за того, что об этом подумают другие.

Он в самом деле повзрослел. Габриэль сделал большой глоток шампанского и вздохнул. Дни, когда он может вести себя как хочет, были сочтены. Он знал это. Вскоре не только его отец и двоюродный брат будут пытаться указывать ему, как и что делать.

– Всегда приятно поговорить с тобой, кузен. Что, тебе больше некому пудрить мозги?

Хуан Карлос не ответил. Вместо этого повернулся на каблуках и пошел к столу с десертами. Через несколько секунд он уже болтал с кем-то влиятельным – чье имя Габриэль забыл, –

склонившись над серебряными блюдами с шоколадными трюфелями и пирожными со взбитыми сливками.

Габриэль отвернулся, его взгляд упал на боковую дверь, ведущую на террасу и в садовый павильон. Если бы успеть проскользнуть туда, прежде чем кто-нибудь заметит...

Воровато оглянувшись, он увидел отца, стоящего к нему спиной. Сестра болтала с группой дам в углу. Это его шанс. Габриэль направился к двери и скользнул за нее так быстро, как только мог.

В тот же момент его накрыла томительная жара, которой так славится Майами в июле. После комфортного кондиционируемого бального зала влажная волна ударила его в грудь как цунами, но Габриэлю было все равно. Он отошел от двери и скрылся в темноте террасы.

Снаружи стояло несколько столов и стульев на случай, если гости захотят выйти. Столы были покрыты скатертями и украшены свечами и розами. Все места пустовали. Габриэль был уверен, что никому из дам не захочется потеть здесь в своих модных нарядах, с тщательно уложенными прическами и макияжем.

Взглянув в дальний угол полукруглой террасы, он заметил чью-то высокую стройную фигуру, обращенную к саду. Серебряный силуэт мерцал в лунном свете, подчеркивающим обнаженные плечи и нежные изгибы, обнимаемые шелком. Женщина повернула голову, чтобы проследить за полетом птицы, и Габриэль мельком увидел очертания скул, которые сделали ее знаменитой.

Серафия.

Он ощутил горячие импульсы желания, сердце забилося в два раза быстрее. Серафия Эспина – его детская любовь и женщина, о которой мечтала каждая здоровая мужская особь, достигшая половой зрелости. Восемь лет назад Серафия была одной из самых известных супер-моделей в индустрии моды. Она дефилировала на подиумах Парижа, Нью-Йорка и Милана, представляя одежду лучших дизайнеров мира.

Надо сказать, она чертовски хорошо в них выглядела.

Габриэль не знал, что случилось, но Серафия неожиданно ушла из мира моды и открыла свой бизнес. Судя по тому, как сидело на ней красное платье, годы не повлияли на ее привлекательность.

Он не разговаривал с Серафией несколько лет. Когда его семья была свергнута Тантаберрой, они сбежали в США, а семья Эспина переехала в Швейцарию. В восьмидесятых годах они были уже в Испании, и семьи возобновили дружбу. Когда Габриэль и Серафия были детьми, их семьи отдыхали вместе на испанской Ривьере. Он – застенчивый тихий мальчик десяти или одиннадцати лет, а она – красивая недостижимая юная девушка. Ей было шестнадцать, и она его не замечала.

Какая удачная встреча. Они больше не дети, и, как будущего короля страны, не заметить его просто нельзя. Прав был Мел Брукс, когда произнес знаменитую фразу «Хорошо быть королем».

Серафия почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Работая в модельном бизнесе, она привыкла к пристальным, оценивающим взглядам, скользящим по ее коже.

Она обернулась и увидела Габриэля, главного персонажа вечера. Он смотрел на нее как большинство мужчин – с неприкрытым желанием. Наверное, она должна быть польщена, что обратила на себя внимание будущего короля, но ему чуть больше двадцати, просто ребенок. Ему незачем связываться со зрелой бывшей моделью с внушительным багажом.

– Ваше величество, – поприветствовала она вежливым поклоном головы.

Габриэль прищурился.

– Это сарказм? – спросил он.

– Вовсе нет. А что это так прозвучало? Если да, я искренне прошу прощения.

Габриэль снисходительно покачал головой и направился к ней. Он не был похож ни на одного короля, которого она когда-либо видела. Излучал красоту и опасность, как большая белая акула, изящно скользя по каменному полу террасы в своем сшитом на заказ костюме и черной рубашке. Галстук кроваво-красного цвета, а взгляд прикован к Серафии словно к жертве.

Она почувствовала, что в груди все сжалось, когда Габриэль подошел ближе и она вдохнула запах его одеколона, смешанного с нежным ароматом экзотических цветов в саду. Ее инстинкты сопротивления и самосохранения тут же включились, несмотря на то, что ее тянуло к нему.

Габриэль не накинулся на нее. Вместо этого наклонился, оперся локтями на перила и уставился в темноту тропической листвы.

– Дело не в тебе, а во мне, – сказал он. – Никак не привыкну ко всей этой королевской чепухе.

Королевская чепуха. Вот как! Восторженность Серафии поостыла при таких необдуманных словах. Не этого жители Алмы хотят услышать от своего нового короля. После свержения диктатуры казалось, что реставрация монархии – лучший способ стабилизировать положение в стране. Видимо, Габриэля Монторо не очень-то заботила Алма или монархия. Он вырос в другой стране, как и Серафия. Но в любом случае родители Серафии научили ее ценить происхождение, традиции и свою родину.

Возможно, все дело в его молодости. Серафия знала, как трудно быть в центре внимания в таком молодом возрасте. Модельное агентство открыло ее, когда Серафии было всего шестнадцать. Вдали от семьи она зарабатывала шестизначные суммы в год, в то время как большинство подростков только получали водительские права. Когда она достигла совершеннолетия, ее имя уже было нарицательным. Она задыхалась от давления, которое толкало ее вперед, доводя до предела возможностей и почти уничтожая ее. Она даже представить себе не могла, как это – быть правителем страны, когда от тебя зависят более миллиона человек.

– Думаю, ты довольно быстро привыкнешь к этому, – сказала она, поднесла бокал к губам и сделала глоток вина. – Власть в два счета вскружит тебе голову.

Горький смех Габриэля стал для нее неожиданностью.

– Сомневаюсь. Может, я и стану королем, но моя семья будет зорко следить за тем, чтобы я их не опозорил.

– Я думала, король может делать все, что ему нравится.

– Будь это так, мой отец или брат все еще стояли бы в очереди на корону. В конце концов, у короля есть королева-мать, перед которой он отчитывается. – Габриэль с очаровательной улыбкой посмотрел на Серафию и провел пальцами по своим слишком длинным светло-каштановым волосам.

С растрепанными светлыми волосами, как это модно среди мужчин его возраста, загорелый, даже в своем безупречном, отлично сшитом костюме он больше походил на знаменитого футболиста, чем на короля.

– Я знаю твою маму, – заметила Серафия. – Сеньора Адела решительная женщина, на твоём месте я вела бы себя прилично.

– Постараюсь. Как ты, как жизнь? – спросил он, переводя разговор на другую тему. – Я не видел тебя с тех пор, как ты стала известной супермоделью и забыла о нас, маленьких людях.

– У меня все хорошо. Завершив карьеру модели, я открыла собственный консалтинговый бизнес, и работа отнимает у меня довольно много времени.

– Консалтинг какого рода?

– В основном имидж и этикет. Я много путешествовала и решила, что могла бы помочь компаниям продвигаться на незнакомые зарубежные рынки, знакомя их с обычаями и соци-

альными нормами в новой стране. Кроме того я помогаю состоятельным семьям превратить их дочерей в элегантных дам.

– Сделай мне одолжение и не упоминай о своем консалтинговом бизнесе при моем отце или Хуане Карлосе, – попросил Габриэль.

Серафия в замешательстве нахмурила темные брови:

– Почему? У них есть дочери, которые нуждаются в преображении? – Бэлле уж точно ее помощь не нужна. Самая младшая из семьи Монторо выглядела безупречно сегодня вечером: синее платье, расшитое бисером, золотистые волосы красиво уложены.

До Серафии доходили слухи, что наследникам Монторо было разрешено прожигать жизнь где-то в Америке, но, судя по тому, что она видела, они ничем не отличались от молодежи любой другой королевской семьи. Они хотели весело проводить время, любить и иногда уклоняться от своих обязанностей. И если такие желания не угрожают короне, то вреда от них никакого.

Габриэль покачал головой и сделал большой глоток шампанского.

– Таких дочерей нет. У них есть только я. Не удивлюсь, если они не упустят шанс и захотят, чтобы ты преобразила меня. И я не виню их. Из меня получится самый неподходящий король, который когда-либо занимал трон Алмы. Плохой парень... запасной план... худший выбор...

С каждым новым неприятным определением глаза Серафии расширялись.

– Это их мнение или твое собственное?

Он пожал плечами:

– Полагаю, так думают все, в том числе и я.

– Мне кажется, ты немного преувеличиваешь. Точно не знаю, что думает твоя семья, но я ничего не слышала о том, что ты не годишься в короли. Конечно, всех удивило отречение Рэйфа, но я только что прилетела из Алмы, люди очень рады, что ты вернешься домой и станешь их монархом.

– Это долго не продлится. Не удивлюсь, если через год моего правления они будут умолять о диктатуре.

Серафия была потрясена, она думала, что из всех присутствующих здесь только у нее одной невероятно низкая самооценка.

– Народ Алмы долго и тяжело сражался за освобождение от режима Тантаберры. Чтобы они захотели вернуть его, тебе придется стать злым кровожадным тираном. Ты это планируешь?

– Нет. Думаю, это все меняет, – сказал он с широкой улыбкой, которая казалась неискренней. – Не осознавал, что они так мало ожидают от короля. Спасибо, что раскрыла мне глаза. Сейчас я чувствую себя намного лучше и увереннее.

– За последние семьдесят лет граждане Алмы через многое прошли. В то время как обеспеченный высший класс мог позволить себе бежать, большинство людей оказались в ловушке, страдая от рук Тантаберры и его сыновей. И вот наконец свобода – некоторые ждали всю жизнь, чтобы проснуться однажды утром и не испытывать гнетущего контроля деспота. Эти люди решили вернуть твою семью на престол в надежде, что вы поможете им восстановить Алму.

Габриэль удивленно взглянул на нее. Его шокировало, что Серафия разговаривала с ним в таком тоне. Ну да, она всю свою жизнь прожила в Испании. Не принадлежит к его подданным и не собирается падать ему в ноги.

Серафия ждала ответа Габриэля, ей показалось, что в нем закипает гнев. Но когда взгляд Габриэля скользнул по ее коже, почувствовала, что ее щеки горят от сексуальности момента.

Наконец Габриэль сделал глубокий вдох и кивнул:

– Ты абсолютно права.

Такого она никак не ожидала. Серафия приготовилась к спору или ловкой попытке сменить тему разговора, но, конечно, не думала, что он согласится с ней. Может, он и не обречен на провал, если счел ее слова разумными. Она снова стала смотреть в сад, пытаясь скрыть свое смущение.

– Извини за прямоту, но я должна была это сказать.

– Нет, ради бога. Спасибо тебе. С момента заявления моего брата я переживаю, как это изменение повлияет на меня и мою жизнь. Я никогда по-настоящему не задумывался о судьбе всех этих людей в Алме, о том, каково им. Они страдали – ужасно, долго. И заслуживают короля, которым могут гордиться. Просто боюсь, что я не тот человек.

– Ты можешь им стать, – сказала Серафия и сама поверила в это. Правда, в последний раз они общались много лет назад – тогда он был мальчишкой. – Возможно, потребуется время и практика, но ты справишься. Ты сомневаешься и переживаешь, я думаю, это хороший знак для твоего будущего в Алме.

Габриэль посмотрел на нее, и впервые Серафия заметила его утомленный взгляд.

– Ты правда в это веришь?

Серафия протянула руку, накрыла его ладонь своей и почувствовала легкое покалывание от прикосновения. Мурашки побежали по всему телу, несмотря на майамскую летнюю жару. Габриэль не отрывал от нее пристального взгляда, и Серафия задавалась вопросом, испытывает ли он то же самое. Собственная реакция поразила ее, она, словно потеряв дар речи, не могла оторваться от Габриэля.

– Да, – наконец выдавила она хриплым шепотом.

Он кивнул, потом высвободил свою ладонь. Вместо того чтобы отстраниться, взял руку Серафии и поднес к губам, как будто собирался поцеловать. У нее перехватило дыхание, кончиком языка она облизала неожиданно пересохшие губы.

– Серафия, можно тебя кое о чем попросить?

Она кивнула. Мерцание свечи отражалось в его глазах и опьяняло. Серафия едва могла думать и дышать, когда он касался ее вот так.

– Ты... – он колебался, – сможешь мне стать таким королем, какого заслуживает Алма?

Глава 2

Габриэль заметил мелькнувшее разочарование в глазах Серафии. Затем он посмотрел на свою руку, сжимающую ладонь Серафии, на темную, уединенную террасу при свете свечей и понял, что все это очень напоминает соблазнение – причем он преуспел, даже не пытаясь. Возможно, проблема в этом. Он слишком отвлекся на разговор, чтобы заметить это.

Нужно признать, Габриэлю было приятно, что она так отреагировала на него. В глубине души он считал Серафию недоступной женщиной. В тот момент, когда она повернулась и посмотрела на него сегодня, Габриэль почувствовал, как его сердце подпрыгнуло в груди. Ее потрясающее платье из красного шелка, рубины и бриллианты, украшающие шею и мочки ушей, малиновая помада, контрастирующая с безупречным золотистым оттенком кожи... Серафия была необыкновенно хороша.

Она была уравновешенная, элегантная и смелая. Своими замечаниями она поставила его на место, вызвав почему-то волну желания, а не гнева. Ее не смущало, что он наследный принц, она говорила откровенно и прямо. Габриэлю пришлось в голову, что ему в жизни необходима именно такая женщина.

Серафия была настоящей бомбой – красивая и убийственно соблазнительная. Но захочет ли она иметь дело с таким мужчиной, как Габриэль? Однако разочарование в ее темных глазах навело его на мысль, что у него есть шанс.

Габриэль не был на сто процентов уверен, что смена имиджа сделает из него лучшего короля, но был готов попробовать. В любом случае это не повредит. Если с ним будет работать профессиональный консультант, то отец и Хуан Карлос наконец-то отстанут от него. И эта красивая сексуальная женщина останется в его жизни по крайней мере еще на две недели. Беспроигрышный вариант для Габриэля.

– Помочь тебе? – спросила она, справившись с первоначальным шоком. Высвободила пальцы из его руки и потерла ладони, словно хотела стереть его прикосновение. Похоже, Серафия не считала его план идеальным решением, каким он казался Габриэлю.

– Почему нет? Ты ведь этим занимаешься, верно?

Ее нос сморщился, а брови нахмурились.

– Я учу девочек-подростков ходить на высоких каблуках и правильно вести себя в различных ситуациях.

– Разве я предлагаю что-то иное? Очевидно, мне не понадобятся уроки правильной походки, но меня ожидает много новых ситуаций. Мне не повредит помощь в том, как я должен одеваться и что говорить. Думаю, ты самый подходящий для этого человек.

Темные глаза Серафии расширились, и она на мгновение запнулась, подбирая слова, чтобы возразить ему.

– Я думала, ты против преобразования, – сказала она наконец.

Габриэль скрестил руки на груди:

– Я не хочу, чтобы моя семья принуждала меня к новому имиджу. Вот в чем разница. Но ты убедила меня, что это необходимо, если я хочу стать таким королем, какой нужен Алме.

– Даже не знаю, Габриэль. – Она повернулась к саду, избегая его взгляда. Габриэль недоумевал, казалось, она не была рада этому предложению. Сама только что осадил его и отчитала за то, что он эгоцентричный избалованный ребенок. Но вот он попросил о помощи, а Серафия колеблется.

– Ну же, Серафия. Это идеальный план. Мне необходимо преобразование, но я не хочу, чтобы об этом все знали. Ты друг семьи, так что никто ничего не заподозрит, если ты будешь путешествовать или появляться со мной в обществе. Никто, кроме семьи, не узнает, почему ты здесь. У меня есть неделя на подготовку, прежде чем я улечу в Алму, и еще одна неделя

на приемы по приезду, прежде чем все успокоится. Не уверен, что я справлюсь со всем этим без посторонней помощи. Без *твоей* помощи.

– Я не могу вот так бросить все и заняться тобой, Габриэль.

– Я заплачу двойную цену.

– Мне не нужны деньги. Их у меня достаточно. Мне даже не нужно работать, но я не могу ничего не делать, оставаясь наедине со своими мыслями.

Габриэль не знал, какие мысли могут преследовать такую молодую успешную женщину, как Серафия, но чувствовал, что спрашивать не стоит.

– Тогда пожертвуй все на благотворительность. Мне все равно. Твой бизнес только выигрывает.

– Я всегда делаю это тайно. Никакого эффекта для компании.

– Напрямую нет, но твое имя попадет в газеты, если ты будешь появляться всюду со мной, на всех фотографиях. Когда тебя заметят в компании короля, твои услуги могут быть больше востребованы.

Серафия вздохнула. Она проигрывала эту битву и знала это.

Габриэль посмотрел на нее, подавляя улыбку и собираясь прибегнуть к ее собственному аргументу, чтобы окончить спор.

– В конце концов, сделай это для людей Алмы. Ты сама только что сказала, сколько всего эти люди вынесли. Внеси свой вклад и помоги мне стать лучшим королем.

Серафия от напряжения кусала нижнюю губу. Подняв бокал, сделала глоток и посмотрела на луну, зависшую над линией деревьев. Наконец уронила голову, как бы признавая поражение.

Габриэль хотел поцеловать ее в шею и обнять за талию, чтобы немного успокоить. Его губы дрогнули, когда он представил себе это, но он знал, что не стоит торопиться. Если она согласится работать с ним в течение следующих нескольких недель, время для поцелуев и ласк появится и позже. Не будет же Серафия круглыми сутками переделывать его. Но если она сейчас уйдет, то у Габриэля уже никогда не будет другого шанса.

Глубоко вздохнув, она наконец кивнула:

– Хорошо. Приступим завтра утром. Я буду здесь в девять, к завтраку, и мы сразу начнем с манер за столом.

– Девять? – Он огорченно вздохнул.

В субботние дни Габриэль обычно выбирался из постели ближе к полудню. Конечно, сегодня вечером он не будет засиживаться до закрытия баров, иначе его семья с собаками станет его разыскивать.

– Да, – ответила она тоном монахини, какие были в его католической школе. Серафия ничуть не походила на сестру Мэри Кэтрин, но она так же выразительно и сурово посмотрела на него. Супермодель исчезла, и Габриэль остался один на один со своим новым имидж-консультантом. – Современные короли не гуляют до рассвета и не спят до полудня. У них есть страна, которой нужно управлять, встречи, в которых нужно участвовать, и персонал, которому необходим стабильный график. После завтрака тебе сделают новую стрижку. – Она взяла его руку и поднесла ближе, рассматривая ногти при тусклом свете. – И маникюр. Я приведу специалиста. Если мы пойдем в салон, люди начнут сплетничать.

Рано встать плюс стрижка? Габриэль огорченно провел пальцами по своим длинным волосам. Ему нравилась такая длина. С короткой стрижкой он слишком походил на своего правильного брата, экстраординарного генерального директора Рэйфа. Но Габриэль другой. Недаром он вице-президент южноамериканского подразделения. С тех пор как стало известно о возвращении Алмы к монархии, он проводил большую часть своего времени в Майами, но предпочитал находиться к югу от экватора. Тамашняя жизнь была более красочной, менее регламентированной.

Теперь новый вице-президент возглавит южноамериканскую компанию, а Габриэль сядет в самолет до Алмы. Будет править страной с миллионом граждан и заниматься государственными делами и всем, что с этим связано.

На что он подписался?

– Жаль, что у меня с собой нет планшета, придется сделать пометки, когда вернусь в отель. В воскресенье мы пройдемся по твоему гардеробу и решим, что ты можешь взять с собой в Алму. В понедельник утром я приглашу частного закупщика одежды, чтобы докупить все необходимое.

– Подожди, подожди, – взмолился Габриэль, подняв руки. – Что не так с моей одеждой? Это дорогой костюм.

– Не сомневаюсь. И будь ты владельцем эксклюзивного ночного клуба в Саут-Бич, он прекрасно бы подошел, но ты принц Габриэль, а скоро станешь королем Габриэлем.

Он вздохнул. Действительно, Габриэль не чувствовал в себе ничего королевского.

– Ты с кем-то встречаешься?

Габриэль оживился.

– А что? Хотела бы попробовать? – спросил он с самой широкой, самой очаровательной улыбкой, на какую был способен.

Серафия сморщила носик и покачала головой:

– Нет. Просто интересно, нужно ли до отъезда учить тебя, как вести себя в щекотливых ситуациях и завершать интрижки и романтические связи.

Разочарование.

– У меня не было настоящих отношений, – пояснил он. – Конечно, время от времени я встречался с женщинами, но среди них не должно быть ни одной убитой горем, которая попытается последовать за мной в Алму.

– Как насчет беременных барменш? – многозначительно спросила она.

Габриэль усмехнулся. Драматические отношения его брата взбудоражили всю семью. Если у него ничего не получится, то корона перейдет к Бэлле, а ей всего двадцать три, она только что окончила колледж.

– Никаких беременных барменш, насколько я знаю, – ответил он. – Или танцовщиц, или официанток, или студенток. В этом вопросе я очень осторожен.

– Ты всегда предохраняешься? Каждый раз?

Габриэль застыл:

– Нам действительно необходимо обсуждать мою сексуальную жизнь?

Серафия вздохнула и покачала головой:

– Ты не имеешь ни малейшего представления, во что ввязался, верно? Отныне твоя сексуальная жизнь касается всей страны. С кем ты встречаешься и кто может стать будущей королевой – это одна из первых проблем, с которой тебе придется столкнуться как королю. Затем появление наследников и продолжение рода Монторо будет главной заботой всех твоих подданных. Любая женщина, с которой тебя увидят, – кандидатка в королевы. Каждый раз, когда твоя жена откажется от бокала вина или наберет несколько фунтов, будут появляться слухи о ее беременности. Приватность ушла из твоей жизни, Габриэль.

– Надеюсь, в спальне никого не будет, когда я буду зачинать этих наследников?

Серафия улыбнулась:

– Нет. Какие-то границы им придется соблюдать.

Сейчас это не очень успокоило Габриэля. С каждым шагом, приближающим его к короне, ему становилось все больше не по себе. Он хотел быть хорошим лидером, но степень контроля в каждом аспекте его жизни просто душила его. Прическа, одежда, сексуальная жизнь... Он уже чувствовал невыносимое давление.

Серафия указала на пару стульев рядом:

– Почему бы нам не присесть на минуту? Ты выглядишь так, словно вот-вот упадешь в обморок, да и мои туфли начинают жать.

Габриэль отодвинул для нее стул и сел на другой рядом.

– Наверное, я просто никогда не думал обо всем этом раньше. Несколько недель назад я был всего лишь вице-президентом в семейной компании, никак не связанным со страной и историей, о которой большинство из нас забыли. Затем бум – я принц. И, не успев привыкнуть к этой мысли, я узнаю, что стану королем. Моя жизнь приняла странный оборот.

Она сочувственно кивнула:

– Как это ни печально, но все будет еще хуже. Твоя жизнь тебе больше не принадлежит. Но поверь той, что прошла через то же самое, – чем раньше ты привыкнешь к этой идее, тем лучше для тебя.

Серафии не нравилось видеть Габриэля таким. Ведь он всегда был живым, веселым парнем, а будущая ответственность уже давила на него.

– Значит, вот как для тебя это было? Ты поэтому ушла из модельного бизнеса?

Страдальческое выражение исказило лицо Серафии. Так случилось всякий раз, когда речь заходила о ее прежней карьере. Она улыбнулась и покачала головой:

– Это просто часть той жизни.

– Ты скучаешь по тому времени? – спросил Габриэль.

– Вовсе нет, – ответила она слишком поспешно, хотя это было правдой. Этот гламурный бизнес – суровый мир, и, несмотря на все заработанные ею миллионы и мировую известность, бывали дни, когда к ней относились как к ходячей вешалке. – Я действительно больше не хочу постоянно находиться в центре внимания. Это одновременно прекрасная и тяжелая жизнь.

Габриэль задумчиво кивнул:

– Подиумам и журнальным обложкам тебя не хватает. Хотя понимаю, почему ты ушла из бизнеса после того, что случилось с тобой на подиуме. Могу себе представить, как страшно оказаться на грани смерти без каких-либо предвещающих симптомов. Я имею в виду, жить все это время, не зная... что именно у тебя было?

– Врожденный порок сердца, – ответила она, после многих лет ложь легко слетела с ее языка.

– Да, страшно подумать, что собственное тело просто ждет удобного момента, чтобы восстать против тебя же.

Серафия кивнула. Родители проделали отличную работу, распространив ложную информацию о ее сердечном приступе, случившемся на публике. Иначе с чего бы это совершенно здоровая двадцатичетырехлетняя женщина испытывала сердечную недостаточность прямо на подиуме и упала на пол на глазах тысячи зрителей?

Она могла придумать множество объяснений, но причина была в ней самой. Серафия стала жертвой одобренного модельным бизнесом расстройства пищевого поведения, которое к моменту падения вышло из-под контроля. Анорексия – серьезная болезнь, тема, требующая большего внимания в беспощадной индустрии моды. Но, желая защитить дочь, ее семья сделала все, чтобы правда не попала в газеты. А сама Серафия в то время была не в состоянии спорить с ними.

Был пущен слух, что она оставила модельный бизнес, чтобы пройти лечение в связи с «состоянием сердца», и никто никогда в этом не сомневался. Вместо операций ее непосредственное лечение заключалось в интенсивной реабилитации, продолжавшейся почти год. Она должна была медленно – без нагрузки на сердце – набрать тридцать фунтов. Затем она научилась правильно питаться, правильно заниматься спортом и, самое важное, распознавать признаки того, что она снова скатывается к плохим привычкам.

– Тебе сейчас лучше? – участливо спросил Габриэль.

Спорный вопрос. Когда у тебя расстройство пищевого поведения, каждый день – вызов. При алкогольной или наркотической зависимости можно избегать соблазнов. А она должна была есть. Каждый день. Должна была тренироваться. Только не слишком много. Она должна была поддерживать свой вес и не бросаться в крайности, иначе слишком сильные нагрузки могли навредить ее сердцу. Но она справлялась.

– Да, – сказала Серафия. – Врачи подправили меня. Но ты прав, после такого я не могла смотреть на подиум. Чуть не умерев, я поняла, что хочу сделать что-то еще в жизни.

– Габриэль Алехандро Монторо! – раздался резкий голос через открытую дверь. Затем несколько решительных шагов по каменному полу, и мгновение спустя появилась его младшая сестра Бэлла. – Вот ты где! Все тебя ищут.

Габриэль пожал плечами, не впечатленный раздражением сестры.

– Я был здесь все это время. И с каких это пор ты зовешь меня полным именем? Это может только мама.

– Будь здесь мама, она бы за ухо втащила тебя в дом.

Серафия усмехнулась. Именно такой она помнила Аделу.

– Мне очень жаль, что я отняла у Габриэля столько времени, – сказала она, надеясь немного остудить гнев его сестры. – Мы обсуждали планы по его королевскому преображению.

Бэлла с подозрением взглянула на Серафию, потом повернулась, чтобы посмотреть на Габриэля.

– Удачи. В любом случае отец хочет, чтобы ты вернулся в дом, и немедленно. Он собирается произнести тост и желает видеть тебя на танцполе. Пресса сфотографирует, как ты танцуешь.

Габриэль неохотно поднялся и протянул руку, чтобы помочь Серафии встать.

– Ну вот, началось. Ты присоединишься ко мне?

– Обязательно.

Серафия взяла его под руку, и они вместе направились в дом.

Людей внутри собралось еще больше. Она осталась рядом с Габриэлем, пока они пробились сквозь толпу в поисках его отца. Наконец отыскали его – у бара, вместе с двоюродным братом Габриэля, Хуаном Карлосом.

Серафия мало общалась с Салазарами – ветвью семьи Монторо, – но слышала много хорошего о Хуане Карлосе. С головой на плечах, ответственный, вдумчивый. Если верить некоторым, то он был полной противоположностью Габриэлю и лучшим кандидатом в короли. Но она никогда не скажет этого Габриэлю, у него и без того хватает забот. Возможно, Хуан Карлос примет пост советника короля. Он будет отличным помощником Габриэлю или королевским посредником для премьер-министра Алмы.

– Вот ты где, – сказал Рафаэль, увидев их. – Где тебя... – Он замолчал, и его взгляд скользнул по Серафии. – Ах. Не важно. Теперь я знаю, кем ты был занят, – сказал он с улыбкой.

– Рада увидеть вас снова, – сказала Серафия, улыбаясь в ответ и наклоняясь, чтобы обнять старого друга ее отца.

– Сколько лет! – воскликнул Рафаэль. – Но теперь, когда некоторые из нас вернутся в Алму, все будет по-другому. Твой отец говорил мне, что подумывает, не переехать ли ему обратно, если монархия будет стабильной.

– Мне он тоже это говорил. – Ее папа упоминал такой вариант. Их поспешный отъезд из Алмы в 1940 году был очень неприятным: слухи и обвинения в сторону тех, кто бежал до прихода Тантаберры к власти, не обошли и ее семью. Серафия знала, что они будут медлить, а некоторые родственники, возможно, не вернутся никогда. Сама она выросла в Испании и была влюблена в Барселону. Потребуется немало усилий, чтобы выманить ее с фазенды с видом на Средиземное море.

Рафаэль хлопнул сына по спине:

– Я хочу произнести небольшую речь, тост, а потом ты, может, выйдешь на танцпол и послужишь другим примером. А то вечеринка становится скучной.

Габриэль кивнул, и Хуан Карлос подошел к оркестру, чтобы прервать игру и взять микрофон для Рафаэля. Музыка смолкла, когда Рафаэль вышел на подиум рядом с музыкантами и поднял руку, чтобы привлечь внимание гостей. У него был дар овладевать вниманием присутствующих – в зале тут же установилась тишина. Из него тоже получился бы хороший король. Возможно, архаичные законы престолонаследования Алмы пора изменить.

– Дамы и господа! – начал Рафаэль. – Хочу поблагодарить всех вас за то, что пришли сюда сегодня. Семьдесят лет наша семья ждала момента, когда мы наконец сможем наблюдать восстановление монархии в Алме. Мы надеемся, что ее приход восстановит мир, обеспечит процветание и оправдает надежды народа Алмы. Я взволнован возможностью присоединиться ко всем вам и пожелать моему сыну и будущему королю, принцу Габриэлю, успехов, когда он вернется на родину.

Несколько людей в толпе приветствовали слова Рафаэля одобрительными возгласами и аплодисментами. Габриэль застыл рядом с Серафией: челюсти плотно сжаты, мышцы напряжены. Казалось, он не разделял всеобщего восторга. Серафия, по-прежнему держа Габриэля под руку, успокаивающе сжала ее.

– Я прошу всех поднять бокалы за будущего короля Алмы, Габриэля Первого! Да здравствует король! – воскликнул Рафаэль.

– Да здравствует король! – закричали все, поднимая свои бокалы.

– Теперь я хотел бы попросить Габриэля выйти на танцпол. Приглашаю всех присоединиться к нему.

– Похоже, мне придется просить даму составить мне компанию. – Габриэль наклонился ближе к ней, полные губы искривились в лукавой улыбке. – Твои врачи разрешают тебе физические нагрузки?

Серафия улыбнулась и кивнула Габриэлю:

– О да, могу протанцевать всю ночь, если ты выдержишь.

Габриэль взял ее за руку и повел в центр зала. Когда оркестр заиграл жизнерадостную мелодию сальсы, Габриэль положил ладонь ей на талию и притянул ближе к себе.

Близость его упругого тела взволновала Серафию. Габриэль больше не косматый мальчишка, каким она его помнила, носящийся по пляжу с воздушным змеем. Теперь в его зеленых глазах она увидела желание и опасность. И он *был* опасен. У Серафии даже мелькнула мысль, что интрижки с королями добром не кончаются.

Они начали двигаться в такт музыке. Габриэль уверенно вел ее в танце. Ей казалось, что они почти плывут по деревянному полу.

Вскоре другие пары присоединились к ним на танцполе, и Серафия перестала ощущать, что на нее глаза. Окружавшие люди как будто скрывали ее от любопытных глаз. Но то, как он держал ее, как смотрел на нее... Она вдруг поняла, что следующие две недели станут испытанием для нее. Габриэль хотел большего, чем просто преображение, и, когда он держал ее, Серафия чувствовала то же самое.

В этот раз ей придется иметь дело не с девочкой-подростком или испанским бизнесменом. Габриэль Монторо – сексуальный бунтарь, настоящая заноза, и если Серафия не будет осторожна, то здорово запутается.

Глава 3

– Ты опоздал. Снова.

Габриэль и сам это знал. Но последние несколько дней дались ему нелегко, и он был не в настроении выслушивать замечания. Он добровольно подписался на этот кошмар, но почти достиг той точки, когда был готов заплатить Серафии еще больше, лишь бы отказаться от ее опеки. Габриэль привык к постоянной критике своей семьи, но наставления Серафии раздражали его. Он просто не хотел, чтобы такая женщина, как она, указывала на его недостатки.

– Спасибо за информацию, – отрезал он. – Когда я стану королем, сделаю тебя официальным придворным хронометристом.

Он ожидал услышать в ответ какой-нибудь язвительный комментарий, но вместо этого Серафия повернулась на каблуках и пересекла комнату. Через минуту вернулась, держа в руках поднос, покрытый бархатной тканью. На нем лежали разные часы – четыре штуки.

– Какие-то из них и правда будут официальным придворным хронометром. Я заказала их у одного местного ювелира, чтобы ты выбрал те, которые тебе больше понравятся.

Зажужжал мобильный телефон Габриэля, забыв о часах, он посмотрел на экран. Сообщение от женщины, с которой он ходил на свидание несколько недель назад, – брюнетка по имени Карла. Он решил не отвечать. В последнее время Габриэль получал много таких эсэм-эсок, но не мог ничего предпринять, находясь под домашним арестом. Да и что бы он ответил? «Извини, любимая, я должен лететь в страну, о которой ты никогда не слышала, чтобы стать там королем»?

Сунув телефон в карман, он вздохнул, поднос с часами ожидал его решения. Часы. Габриэль ненавидел часы. Он никогда не носил их. Зачем, если часы есть в мобильном телефоне?

– Мне не нужны часы.

Ее решимость не дрогнула.

– Я заметила, что с пунктуальностью у тебя проблемы.

Она кто, имидж-консультант или сержант?

– У меня с этим проблем нет. Я в порядке. Скорее это проблема для тебя.

Серафия сжала розовые губки, стараясь не хмуриться:

– Пожалуйста, выбери какие-нибудь.

– Я сказал тебе, что не собираюсь носить часы. – Габриэль не выносил ощущения чего-либо на запястьях. Он носил часы в старших классах и в колледже, но после похищения раздал их все. Даже самые хорошие часы напоминали ему о наручниках, которые были на нем слишком долго. Он будто снова оказывался в холодном темном подвале, а ему вовсе не хотелось возвращаться в то место.

– Есть «Феррагамо», «Патек Филипп» и два «Ролекса». Как ты можешь воротить нос от «Ролекса»? – Серафия нагнулась и подняла часы с подноса. – Примерь эти. Сталь и желтое золото – будут хорошо смотреться с любым нарядом. Корпус и циферблат украшены бриллиантами. Думаю, они выглядят очень элегантно.

Габриэль почувствовал холод металла у себя на запястье, прежде чем понял, что она затеяла, и рефлекторно отдернул руку. Мысленно он мгновенно перенесся в Венесуэлу, в темную комнату без окон, где его держали почти неделю. Он даже почувствовал запах плесени и грязи, тяжелый и душный от влажности воздух.

– Я сказал – нет! – Крик вырвался у него из груди. Широко распахнув глаза, он оглядывал просторную гостеприимную спальню. Габриэль сделал глубокий вдох – ощутил аромат цветов гибискуса и почувствовал, как напряжение уходит. Посмотрев на Серафию, он тут же пожалел о своей реакции. В ее темных глазах отражался страх, такой же реальный, как его собственный.

Он извинился, но понял, что все испортил.

Она взяла поднос с часами стоимостью сто тысяч долларов и отнесла обратно к столу. Заговорила, лишь когда вернулась, уже собранная и спокойная. Удивительно, как Серафии всегда удавалось держать себя в руках. Такое умение и ему бы пригодилось, но она еще не научила его хладнокровию.

Серафия скрестила руки на груди и посмотрела на него:

– Что это было?

Габриэль не любил говорить о своем похищении. И его семья постаралась, чтобы история не попала в средства массовой информации.

– Я... я просто не люблю носить часы. Мне не нравится сковывающее ощущение на запястьях. – Он не хотел вдаваться в подробности. Серафия и так уже смотрела на него как на больного. Она понятия не имела, насколько он неполноценный, ушибленный.

Серафия вздохнула, безуспешно пытаясь отыскать в выражении его лица ответы, которые он не был готов ей дать.

– Ладно. Никаких часов. – Она взяла планшет и перелистнула несколько изображений легким касанием. – Твоим первым публичным мероприятием в Алме станет прием, устраиваемый Патриком Роулингом. Мы должны подобрать тебе одежду для торжественных случаев.

Патрик Роулинг. Габриэль слышал это имя от отца и брата, но не придавал этому значения.

– Кто такой Патрик Роулинг?

– Один из самых богатых людей в Алме. Он англичанин, когда в Алме обнаружили нефть, его буровая компания возглавила добычу. Он владеет и управляет почти всеми нефтяными платформами и нефтеперерабатывающими заводами в стране. Он очень могущественный и влиятельный человек. На этом приеме ты впервые будешь представлен высшему обществу Алмы. Крепкие отношения с семьей Роулинг помогут обеспечить монархии прочные позиции.

Габриэль вот-вот станет королем, но почему-то у него появилось ощущение, что это он будет целовать кольцо Патрика, а не наоборот.

– Это официальное мероприятие, поэтому протокол требует, чтобы ты надел парадный костюм.

Серафия распахнула дверцу шкафа и вытащила темно-синюю военную форму, похожую на музейный экспонат. Она казалась неудобной и грубой, и Габриэлю абсолютно не хотелось облачаться в нее.

– Ну все, хватит, – взмолился он. – Я терпеливо участвовал в собственном преображении, но это уж слишком. – Габриэль хмуро взглянул на Серафию. – Я позволил обрезать себе волосы, сделать маску на лицо, маникюр, педикюр и прочие процедуры. Ты отдала половину моего гардероба на благотворительность и потратила тысячи долларов моих собственных денег на костюмы, которые годятся только для шестидесятилетних. Я старался держать рот на замке и смириться с судьбой. Но это... этот наряд просто смешон.

Глаза Серафии становились все больше с каждым его словом.

– Это парадный мундир короля! – возразила она.

В этом сомнений не было.

– На нем шнуры и кисточки и проклятый светло-голубой пояс. Я буду выглядеть как сказочный принц на балу.

Серафия нахмурилась:

– В этом весь смысл, Габриэль. Ты будущий его величество король дон Габриэль Первый. И это твой парадный мундир.

– Может быть, в сороковых годах, когда мой прадед был королем, его можно было носить, но в наше время это старомодно и смешно.

– Это не повседневная одежда. Она для особых событий: коронация, свадьба и торжественные мероприятия, например прием в особняке Роулинга. Все остальное время ты будешь носить нормальную одежду.

– Нормальную одежду, которую выбрала ты, – отметил он язвительным тоном. Не намного лучше, на его взгляд.

Серафия вздохнула и повесила наряд обратно в шкаф. Захлопнув дверцу, устало прислонилась к ней спиной. Закрывает глаза и сжала переносицу большим и указательным пальцами.

– Мы улетаем в Алму через два дня и еще столько должны сделать. Если так и дальше пойдет, нам ни за что не успеть все. Ты нанял меня, Габриэль. Почему же ты сопротивляешься и возмущаешься из-за каждой мелочи?

Он вовсе не думал, что сопротивлялся всему. Вопрос с часами не обсуждался, но они вроде разрешили это недоразумение. Одежда – просто горькая пилюля, которую ему трудно проглотить.

– Я не пытаюсь специально усложнить тебе работу. Видимо, это просто мой дар.

Серафия закатила глаза:

– Похоже. Тебе и правда нравится выводить меня из себя. Я видела, как ты улыбался, видя мое раздражение.

Габриэль вынужден был признать, что это правда. В приступах раздражения Серафия выглядела еще прекраснее, если такое вообще возможно. Наверняка она еще прекраснее, когда кричит от страсти, цепляясь за простыни. Когда он по ночам думал об этой женщине, дефилировавшей по подиуму несколько лет назад, то представлял ее себе исключительно без одежды.

А делал он это часто. С той встречи на террасе Габриэль каждую ночь одиноко лежал в постели, размышляя о Серафии. Невольно. Она была его юношеской фантазией, ее фотография в бикини красовалась в качестве заставки на экране его первого компьютера. Прошло много времени с тех пор, как он был влюблен в Серафию, но прежняя страсть вспыхнула в Габриэле, как только он ее увидел.

Наверное, все дело в комендантском часе, введенном его семьей. На следующий день после того, как его брат отрекся от престола, Габриэля практически насильно перевезли из пентхауса в семейный особняк. Он уже несколько недель не посещал клубов, баров, вечеринок и не общался с друзьями. За каждым его шагом наблюдали, и Габриэль уже балансировал на грани – это был самый длительный период воздержания за всю его взрослую жизнь.

Правда, это не имело значения, по крайней мере, в том, что касалось Серафии. Даже переспи он с женщиной сегодня утром, то все равно желал бы Серафию с прежней силой.

– Да, – признал он наконец. – Я получаю удовольствие, наблюдая, как ты выходишь из себя.

– Почему? Ты садист?

Габриэль широко улыбнулся и сделал несколько шагов в ее сторону:

– Ничуть. Просто ты становишься еще красивее, когда злишься.

На мгновение Серафия усомнилась в искренности его слов, подозревая, что он просто хотел сгладить свою резкость, и уже готова была возразить, но передумала. Она здоровая привлекательная женщина, Габриэль находит ее красивой, что в этом удивительного?

– Спасибо, – ответила Серафия. – Но, пожалуйста, не надо раздражать меня, даже если ты считаешь, что в таком состоянии я более привлекательна, это утомляет меня.

Габриэль сделал еще один шаг к ней, оказавшись слишком близко. У Серафии, прижавшейся спиной к дубовому шкафу, не было возможности отодвинуться в сторону или сбежать. При этом она поймала себя на мысли, что ей вовсе и не хочется убегать. Особенно когда Габриэль вот так смотрит на нее.

Взгляд его темных зеленых глаз завораживал ее, дыхание перехватывало. Он не просто пытался льстить ей. Он хотел ее. Это очевидно. Но между ними ничего не должно происходить по многим причинам, и главная из них та, что Габриэль – будущий король. Нельзя забывать и о его репутации плейбоя. Даже если закрыть глаза на все остальное, двух этих причин более чем достаточно. Серафия не заинтересована ни в королях, ни в плейбоях.

– Ну, я очень постараюсь, но мне так нравится, когда твои щеки вспыхивают, а в темных глазах сверкает гнев. Не могу оторвать взгляда от твоей изящной шеи и бурно вздымающейся груди. Если ты больше не хочешь, чтобы я сердил тебя, то я знаю другой способ, как вызвать такую же реакцию, и способ более приятный... для нас обоих.

Серафия понимала, что должна возмутиться его дерзостью, но вместо этого судорожно вздохнула. Ей вдруг захотелось обнять Габриэля и прижаться к нему. Все ее тело, каждый нерв гудел от их близости. Через свою тонкую шелковую блузу она чувствовала тепло его тела.

Габриэль протянул руку и оперся ладонью на полированную дубовую поверхность за спиной Серафии. Он наклонился, и его одеколон – одна из немногих вещей, которые Серафия оставила без изменения – зачаровал ее ароматом сандалового дерева и кожи. Такое дразнящее и опасное сочетание. Серафия чувствовала, что скользит в бездну. Она должна остановиться, пока все не зашло слишком далеко. Серафия – имиджмейкер короля и не имеет право забывать, что в первую очередь она профессионал.

– Я не собираюсь спать с тобой, – выпалила она.

Челюсть Габриэля отвисла в притворном возмущении.

– Мисс Эспина, я в шоке.

Серафия усмехнулась – смех был всего лишь попыткой освободиться от всего, что распирало ее изнутри. Подняла бровь.

– В шоке от того, что я так прямолинейна, или от того, что отказываю тебе?

Габриэль улыбнулся, и она почувствовала, что ее ноги сделались ватными. Еще немного, и она не сможет передвигаться в своих маноло.

– В шоке от того, что ты могла такое обо мне подумать.

Серафия скрестила руки на груди. Она не верила ни одному его слову.

– Тогда что именно ты предлагал?

Его изумрудно-зеленый взгляд упал на ее декольте. Серафия так крепко обнимала себя руками, что груди вызывающе приподнялись. Она расслабилась, уменьшая – если не устраняя – отвлекающий фактор.

– Я чувствую себя обескураженным, а ведь всего лишь собирался предложить пробежку по поместью с последующим купанием в бассейне, – сказал он.

– Ну да, собирался, – ответила она недоверчивым тоном. – Ты не очень похож на человека, который совершает пробежки.

Габриэль улыбнулся, и она почувствовала, как внутри ее все сжалось от томления. Серафия давно уже не испытывала такого сильного желания. Она была смущена, ее тревожило то, что Габриэлю так легко удалось заставить ее потерять контроль над собой.

– Здоровье и благополучие короля – вот о чем должны думать люди Алмы в первую очередь. Да здравствует король, правильно?

– Да здравствует король, – ответила она, хотя и без особого энтузиазма.

– Так что насчет пробежки?

Из-за того, как он смотрел на нее, как склонился над ней, у нее возникло чувство, что Габриэль просит о чем-то большем, чем просто пробежка. Но Серафия отмахнулась от неуместных мыслей и ответила на вопрос:

– Сначала нужно подогнать твой парадный костюм по фигуре. Это займет пару дней, а мы обязательно должны получить его до отъезда. Потом можешь бегать, если очень хочется.

– А ты? Разве тебе не нужен небольшой прилив эндорфинов? Немного... снять стресс?

– Я сделала гимнастику, когда встала, – ответила она. И это правда. Каждое утро, проснувшись, она ровно сорок пять минут занималась на эллиптическом тренажере. Не больше и не меньше – так велел врач. Беговая дорожка пылилась дома, потому что бег ей не рекомендован, ну разве что Серафии понадобится спастись от кого-то.

Его изучающий взгляд медленно проследовал по ее фигуре, потом Габриэль щелкнул языком и покачал головой:

– Жаль.

Он опустил руку и сделал шаг назад – Серафия наполнила легкие свежим кислородом, без примеси пьянящего аромата одеколona. Это помогло ей очистить голову от тумана, который окутывал ее, когда Габриэль находился так близко.

Упорно пищавший мобильный телефон отвлек его внимание, чему Серафия была благодарна. По всей видимости, гарему женщин было одиноко без своего господина. С тех пор как они начали процесс преобразования, Габриэль писал в среднем одно-два сообщения в час. На большинство из них он не отвечал, но это не останавливало поток входящих эсэмэсок. Серафию не интересовали его связи, но она не могла не замечать самых разных имен на экране.

Карла, Франческа, Кими, Ронни, Анита, Лиза, Тэмми, Джессика, Эмили, Сара... Его телефон являл собой внушительную картотеку женских имен. Трудно представить, как его записная книжка выглядела бы в бумажном варианте.

– Пойду посмотрю, не приехал ли портной, – сказала Серафия, когда Габриэль оторвался от сотового. – Думаешь, ты сможешь отбиться от своих любовниц на время примерки и подгонки этого жакета?

Габриэль прищурился, глядя на нее, и сунул телефон в карман.

– Кажется, ты ревнуешь.

Может, немного. Но это не его дело. Она сама справится.

– Не ревную, – с достоинством возразила Серафия. – Я обеспокоена.

Габриэль нахмурился:

– Ты говоришь как мой отец. Почему тебя беспокоит моя личная жизнь?

– Я уже объясняла это тебе в первый вечер, Габриэль. Твоя жизнь тебе больше не принадлежит. Ни отношения, ни свободное время, ни даже твоё тело. Ты не можешь разъезжать на спортивных автомобилях, как пилот «Формулы-1», и подвергать опасности здоровье короля. Не можешь каждый вечер развлекаться с новой подружкой и вверять будущее страны в руки незаконнорожденного, которого родит от тебя какая-нибудь малознакомая девица. Не можешь тратить деньги государства на гедонистические удовольствия, из которых до сих пор состояла вся твоя жизнь.

– Из того, что я узнал в школе, большинство королей только этим и занимаются.

– Может быть, четыреста лет назад, но теперь уже нет. Если королю Генриху Восьмому пришлось бы иметь дело с современной прессой, для него и всех его несчастных жен все закончилось бы совсем по-другому.

– То есть все дело во впечатлении, которое нужно производить? Я должен казаться пайнкой, чтобы пресса и народ были счастливы?

– Все не так просто. Твое безрассудство свидетельствует об эмоциональной оторванности. Вот что меня беспокоит. Ты должен подготовить себя к браку, который не за горами. Возможно, ты еще не встретил ту самую женщину, но гарантирую, ты будешь женат уже к концу первого года правления. То есть больше никаких интрижек и волочения за юбками. Ты должен отнестись к этому серьезно. По-настоящему сблизиться с кем-то, а я не вижу, чтобы это давалось тебе легко.

– Думаешь, я не могу ни с кем сблизиться?

Габриэля явно задело ее замечание.

– Отношения – настоящие отношения – сложная штука. Вообще трудно сохранять любовь, доверие и честность. Я здесь всего лишь несколько дней, но не видела, чтобы ты хоть с кем-то общался искренне. У тебя нет настоящих отношений, даже с семьей.

– У меня есть настоящие отношения, – возразил Габриэль, впрочем с некоторым сомнением в голосе.

– Приведи хотя бы один пример. Случись в твоей жизни что-то особенное, к кому ты побежишь с новостями? Будь у тебя секрет, кому ты доверишься?

Наступило долгое молчание, Габриэль раздумывал, как ответить на ее вопрос. Мать, брат, лучший друг, приятель из колледжа... У Габриэля не было ответа. Это смутило его. Почему он держит всех на расстоянии?

– У меня есть семья и много друзей. С тех пор как меня объявили будущим королем, они появляются из ниоткуда. Я не знаю, о чем ты.

– Я говорю о таком человеке в твоей жизни, которому ты можешь довериться. Сомневаюсь, что Джессика или Тэмми – правильный ответ. Как и Рэйф или Бэлла. Каждому в жизни необходим такой человек. Многие готовы поддержать тебя, но ты не подпускаешь их. Я чувствую твоё сопротивление – даже в отношениях с семьей – и не понимаю почему. Но знаю, что ты должен научиться разрушать свои же стены – или эта неделя покажется тебе цветочками по сравнению со следующим годом.

– Я полагал, все будет наоборот, – наконец ответил он. – Когда ты король, все чего-то от тебя хотят. Никому нельзя доверять. Брак по расчету, близкие советники со своими идеями и предложениями. Мне кажется, умение соблюдать дистанцию – ценное качество в такой ситуации.

– Возможно, ты прав, – призналась Серафия, грустно пожав плечами. – Я была бы более подготовлена к модельному бизнесу, если бы с самого начала знала, что в этом мире все чего-то от меня хотят и никому не стоит доверять. Но мне кажется, каждому, даже королю, нужен близкий человек.

– Поверь мне, так проще, – сказал он. – Если ты никому не доверяешь, то тебя нельзя предать или разочаровать.

В его словах была такая искренность, какой она еще от него не слышала. Это беспокоило ее. Кто-то в какой-то момент травмировал Габриэля. Серафия понимала, что это не должно быть ее проблемой, но ей хотелось знать, что случилось и как она может помочь.

Глава 4

Два дня спустя Габриэль сел в частный самолет и оставил позади свою привычную жизнь. Они летели всю ночь. Его отец Рафаэль расположился в спальне самолета, а Габриэль и Серафия спали прямо на кожаных креслах, раскладывающихся в полноценные кровати. Это был спокойный перелет – никаких особых разговоров после того, как они поужинали и приглушили освещение кабины.

Габриэль спал крепко, а когда проснулся, до приземления в его новой стране оставалось тридцать минут. До этого он был там всего однажды с Рэйфом – быстрая сумбурная поездка, – на этот раз он сойдет по трапу уже в качестве лидера этой страны.

– Твой костюм висит в ванной, – напомнила Серафия.

Он не слышал, как она встала, но Серафия уже переоделась, нанесла макияж и собрала густые темные волосы в пучок. В течение всей следующей недели она будет публично исполнять роль его личного секретаря, одновременно инструктируя и наставляя его в отношении всех мероприятий. Для первой церемонии она надела женственный темно-серый костюм. Отлично сшитый блейзер повторял очертания фигуры, а платье-футляр до колен открывало ее длинные стройные ноги.

Костюм Серафии был элегантным, но Габриэль поймал себя на том, что ему больше нравится обтягивающее платье из красного шелка, в котором он увидел Серафию в первый вечер. В сегодняшнем наряде она ступала и отошла на второй план. Наверное, так и задумано, но Габриэлю это не нравилось. Может, Серафия и не хотела быть в центре внимания, но она родилась для этого.

В ванной он привел себя в порядок и переоделся в темно-синий костюм, который Серафия повесила там для него. Вместе с нежно-голубой рубашкой и простым синим галстуком. Она убедила Габриэля, что это изысканно, но ему образ казался скучным. Его так и подмывало надеть носки вызывающей расцветки, но не тут-то было, для него уже предусмотрительно выложена пара темно-синих носков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.